

"НАДЕЖДА"

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

Есть несравненная прелесть в этих осенних днях, серых и прохладных, когда, возвращаясь из города на дачу, встречаешь только одних ломовых, нагруженных мебелью прочих запоздавших дачников. Уже прошли сентябрьские ливни, переулки между садами стали грязны, сады желтеют и редуют, до весны остаются наедине с морем. Вдоль дороги, среди садовых оград и решеток, только и видишь теперь, что закрытые фруктовые лавки, будки, где продавали летом воды... По всему пути, от дорогих вилл и до выбеленных известкой домишек на отдаленном каменистом побережье, видишь раскрытые балконы, увитые длинными сухими ветвями дикого винограда, закрытые ставни, наглухо забитые двери, завернутые в рогожу нежные южные растения. И чем дальше от города, тем все тише, безлюдней. Паровик ходит уже редко, и требовательные свистки его на остановках далеко отдаются в чистый воздух. Шагаешь вдоль пути между садами и слушаешь... Вот паровик где-то остановился и два раза жалобно и гулко крикнул, но где, близко или далеко, не скажешь. Свисток похож на эхо, эхо на свисток, а замерло то и другое, растаял удаляющийся шум за садами - и опять ничем не нарушаемая тишина. Не спеша шагаешь по шпалам, сердце бьется ровно, идти и дышать осенней прохладой легко и сладко... Остаться бы тут до весны, слушать по ночам шум бушующего в темноте моря, бродить по целым дням на обрывах! Образ одинокой женщины на террасе зимней виллы рисуется воображению, каждая аллея тополей, с синевой моря в полете, зовет в свои ворота...

Мы шли и заглядывали в такие аллеи, любуясь старыми мраморными статуями среди цветников и деревьев, желтыми листьями, которые покрывали садовые дорожки и ступени балконов. День был серый и спокойный, прохладный, в свежем воздухе сыро и крепко пахло морем. Море выглядывало то там, то здесь из-за кустов и деревьев, оно наполняло своим присутствием всю окрестность, его свобода и дыхание чувствовались все время и всюду. Помнишь мраморную нимфу в чьем-то большом заброшенном парке, что так задумчиво сидела на глыбе камня среди фонтана? Летом, когда парк был тенист и зноен, когда солнечные пятна осыпали нимфу, из камня со всех сторон бежало множество холодных и чистых ключей, и, склонив голову, нимфа слушала их непрестанное журчанье. Теперь оно смолкло, в садах было свежо, тихо, и сквозь низкорослые акации, сквозь ветви обнаженных тополей и кустарники цвета земли свободно чувствовался пустынный простор морского побережья...

Мы шли, а воздушно-голубое море все шире открывалось то там, то здесь за деревьями и красными черепичными крышами дач на обрывах. И как раз в то время, когда мы дошли до того места, где сады вдруг расступаются, где всегда внезапно останавливаешься, пораженный простором далей, почти на черте горизонта увидели мы паруса "Надежды".

Уже вечерело, и среди спокойных серых облаков, длинными грядами закрывавших небо, появились оранжевые оттенки, - признак того, что холодеет. К горизонту было светлее, а прохлада после дождей и без того очистила воздух и необыкновенно расширила дали. В море был штиль, и оно развевывалось безграничной равниной нежно-зеленой, отчасти сиреневой стали, которая смелым и вольным полукругом касалась вдали неба. Внизу, по извилистой линии заливов, зеленая вода была так прозрачна, что даже с обрыва видны были темно-лиловые спины камней под нею; дальше ее поверхность кое-где морщилась, как поверхность шелковой ткани, под набегавшим легким ветром, доносившим до нас свежий морской запах, а еще дальше спокойный простор моря убегал к горизонту длинными и тонко начертанными полосами течений и оттенков, У горизонта они терялись, - казалось, что за горизонтом снова начинаются спокойные водные поля; но, должно быть, там, где была "Надежда", был ровный попутный бриз. И, ярусами подняв свои паруса, сузившись в отдалении, "Надежда", как сказочная плавучая колокольня, четко серела на той зыбкой грани, где море касалось неба. Она была одна и необыкновенно подчеркивала эту ровную ширь, во всей полноте воскресшая своими парусами поэзию старого моря. И даже с побережья, несмотря на огромное для глаза расстояние, видно было, какое это славное, сильное судно, изящное и гордое, точно королевский бриг. Летом оно вернулось из Австралии, и мы встретили его, как друга, смотрели на него, как на живое. Сколько стран и морей видело оно, сколько океанских волн омывало его острую, высокую грудь! Гавань была переполнена судами, но все это были тяжелые и неуклюжие пароходы, дымившие черными приземистыми трубами, нагруженные черепицей, железом, хлебом, бочками, по целым дням грохотавшие лебедками. Они знали только свои грузы, а на "Надежде" странствовали, учились молодые моряки, и как выделялась в этом плавучем